Vladimir Lenin

# The State

PAMPHLETS EDITION / 2026

1919 lecture / New English translation

pamphlets.blog

# About this edition

## The State

Vladimir Lenin

### EDITION BASIS

Lecture at Sverdlov University, 11 July 1919; first published in Pravda, no. 15, 18 January 1929, from a stenographic report. Russian text from a transcription citing Collected Works, Russian fifth edition (1969). New English translation for Pamphlets, November 2026, with the Russian original included.

### PAMPHLETS EDITION

A complete new English translation prepared with AI assistance for Pamphlets and checked paragraph by paragraph against the Russian. No later published English translation was consulted.

### TEXT AND REUSE

The original, first published in 1929, is in the U.S. public domain. Russian posthumous-publication expiry and Mexican historical nonrevival were assessed separately. The English translation is new; no worldwide clearance is claimed.

### EDITORIAL TREATMENT

English is followed by the Russian original. The lecture subtitle, date and all 31 prose paragraphs are retained in order. The spoken argument and historical terminology remain. A later editorial note about Sverdlov University, including events after Lenin’s death, is excluded.

### SOURCE

Russian Wikisource / historical Russian text
https://ru.wikisource.org/w/index.php?oldid=5688344

pamphlets.blog

# The State

*Lecture at Sverdlov University, 11 July 1919*

Comrades, the subject of our discussion today, according to the plan you have adopted and communicated to me, is the question of the state. I do not know how familiar you already are with this question. Unless I am mistaken, your courses have only just begun, and this is the first time you have had to approach it systematically. If so, it is quite possible that, in this first lecture on a difficult question, I shall not manage to make the presentation sufficiently clear and understandable to many of my listeners. Should that prove to be the case, I ask you not to be discouraged, because the question of the state is one of the most complex and difficult, and perhaps the one most thoroughly muddled by bourgeois scholars, writers and philosophers. You should therefore never expect to achieve a complete understanding of it all at once, in a brief discussion. After this first discussion, you should note the points you have not understood or that remain unclear, so that you can return to them a second, third and fourth time, supplementing and further clarifying what you have not understood through subsequent reading and individual lectures and discussions. I hope we shall be able to meet again, and then exchange views on all the additional questions and establish which points remain least clear. I also hope that, besides attending discussions and lectures, you will devote some time to reading at least a few of the principal works of Marx and Engels. You will undoubtedly find these principal works in the bibliographies and study guides made available to students of the Soviet and Party school in your library. And although, once again, the difficulty of the presentation may at first put some people off, I must again caution you not to be discouraged by it. What you do not understand on a first reading will become clear on rereading, or when you later approach the question from a somewhat different angle. For, I repeat, the question is so complex and has been so muddled by bourgeois scholars and writers that anyone who wants to think it through seriously and master it independently must approach it several times, return to it again and again, and consider it from different sides in order to achieve a clear and firm understanding. Returning to the question will be all the easier because it is such a basic, such a fundamental question of all politics. Not only in a stormy, revolutionary period such as the one we are now living through, but even in the most peaceful times, every day, in any newspaper, on any economic or political question, you constantly encounter the questions: what is the state, what is its nature, what is its significance, and what is the attitude toward it of our party, the party fighting to overthrow capitalism, the party of Communists? Every day, for one reason or another, you will return to this question.

Above all, your reading, discussions and the lectures you hear on the state should give you the ability to approach it independently, since you will encounter it on the most varied occasions, in every small matter, in the most unexpected combinations, and in conversations and arguments with opponents. Only when you have learned to find your own way through this question can you consider your convictions sufficiently firm and defend them effectively against anyone, at any time. After these brief remarks, I shall turn to the question itself: what the state is, how it arose, and what, in its essentials, should be the attitude toward the state of the party of the working class that is fighting for the complete overthrow of capitalism—the party of Communists.

I have already said that scarcely any other question has been so muddled, deliberately and unintentionally, by the representatives of bourgeois scholarship, philosophy, jurisprudence, political economy and political writing as the question of the state. It is still very often confused with religious questions. Very often, not only the proponents of religious doctrines—from whom this is quite naturally to be expected—but also people who consider themselves free from religious prejudice confuse the specific question of the state with questions of religion. They try to construct a doctrine, often an elaborate one, with an ideological and philosophical approach and justification, according to which the state is something divine, something supernatural: a power by which humanity has lived, which gives or is meant to give people, which brings with it, something that does not come from human beings but is given to them from outside—a power of divine origin. And it must be said that this doctrine is so closely tied to the interests of the exploiting classes—the landowners and capitalists—serves their interests so well, and has so deeply permeated all the habits, all the views and all the scholarship of these bourgeois gentlemen, that you will encounter its remnants at every turn. They extend even to the views of the state held by the Mensheviks and Socialist-Revolutionaries, who indignantly deny that they are dependent on religious prejudices and are convinced that they can take a sober view of the state. This question is so muddled and complicated because, second only in this respect to the foundations of economic science, it touches the interests of the ruling classes more than any other question. The doctrine of the state serves to justify social privileges, to justify the existence of exploitation, and to justify the existence of capitalism. That is why it is a tremendous mistake to expect impartiality on this question, to approach it as though people who lay claim to scientific authority could give you the standpoint of pure science here. In the question of the state, in the doctrine of the state, in the theory of the state, once you become sufficiently familiar with the subject and examine it closely, you will always see—you will always see the struggle of different classes against one another. That struggle is

reflected or finds expression in the conflict of views about the state, in assessments of its role and significance.

To approach this question as scientifically as possible, we must take at least a brief historical look at how the state arose and how it developed. The most reliable guide in a question of social science, and what is necessary if we are really to acquire the habit of approaching it correctly without getting lost in a mass of details or an enormous variety of conflicting opinions—the most important thing for approaching it scientifically—is not to forget the fundamental historical connection. We must examine every question by asking how a particular phenomenon arose in history, what principal stages it passed through in its development, and, in the light of that development, what it has now become.

I hope that, on the question of the state, you will familiarize yourselves with Engels's work *The Origin of the Family, Private Property and the State*. It is one of the fundamental works of modern socialism, a work in which you can have confidence in every sentence: confidence that no sentence was written at random, but on the basis of an immense body of historical and political material. Undoubtedly, not all parts of this work are presented with equal accessibility and clarity; some assume a reader who already possesses a certain knowledge of history and economics. But I say again: do not be discouraged if you do not understand the work immediately on reading it. Almost no one ever does. By returning to it later, when your interest has been aroused, you will come to understand most of it, if not all of it. I mention this book because it provides the correct approach to the question in the respect I have indicated. It begins with a historical outline of how the state arose.

To approach this question correctly—as with any question, such as the origins of capitalism, exploitation between people, socialism, how socialism arose and what conditions gave rise to it—we can approach any such question soundly and confidently only by taking a historical view of its development as a whole. On this question, the first thing to notice is that the state has not always existed. There was a time when there was no state. It appears wherever and whenever society is divided into classes, when exploiters and exploited appear.

Before the first form of exploitation of one human being by another arose, before the first division into classes—slave owners and slaves—there still existed the patriarchal family, or, as it is sometimes called, the clan family (a clan is a lineage, a kin group: people lived in kin groups, in lineages). Sufficiently clear traces of those primitive times remain in the ways of life of many primitive peoples. If you take any work on primitive culture, you will always come across more or less definite descriptions, indications and recollections of a time more or less

resembling primitive communism, when society was not divided into slave owners and slaves. And then there was no state, no special apparatus for systematically using violence and subjecting people through violence. Such an apparatus is what we call the state.

In primitive society, when people lived in small kin groups, still at the lowest stages of development, in a condition close to savagery—in an age separated from modern civilized humanity by several thousand years—we do not yet see signs of the existence of the state. We see the rule of custom, the authority, respect and power enjoyed by the elders of the kin group. We see that this authority was sometimes accorded to women—the position of women then was unlike their present condition of oppression and lack of rights. But nowhere do we see a special category of people set apart to govern others and, for the purposes of government, systematically and permanently to possess a particular apparatus of coercion, an apparatus of violence. Today, as you all understand, that apparatus consists of armed detachments of troops, prisons and other means of subjecting the will of others through violence: this is what constitutes the essence of the state.

If we set aside those so-called religious doctrines, contrivances, philosophical constructions and varied opinions devised by bourgeois scholars, and seek the real substance of the matter, we shall see that the state amounts precisely to such an apparatus of government separated out from human society. When a special group of people appears whose sole occupation is to govern, and who, in order to govern, need a special apparatus of coercion for subjecting the will of others through violence—prisons, special detachments of people, an army and so forth—then the state appears.

But there was a time when there was no state, when the common bond, society itself, discipline and the organization of work were maintained by the force of habit, traditions, and the authority or respect enjoyed by the elders of the kin group or by women, who at that time often occupied not merely an equal position with men but frequently a higher one. There was then no special category of people who were specialists in government. History shows that the state, as a special apparatus for coercing people, arose only wherever and whenever society became divided into classes—that is, into groups of people of which some can constantly appropriate the labor of others, where one person exploits another.

And this division of society into classes must always stand clearly before us as a fundamental historical fact. The development of all human societies over thousands of years, in every country without exception, shows us a general pattern, regularity and succession in this development: first we have a society without classes—the original patriarchal, primitive society, in which there were no aristocrats; then a

society based on slavery, a slave-owning society. The whole of modern civilized Europe passed through this stage: slavery was wholly dominant two thousand years ago. The vast majority of the peoples in the other parts of the world passed through it too. Among the least developed peoples, traces of slavery remain even now, and even today you will find institutions of slavery, in Africa, for example. Slave owners and slaves form the first great division into classes. The first group owned not only all the means of production—the land and the implements, however feeble and primitive they may then have been—but also human beings. This group was called the slave owners, while those who labored and supplied labor to others were called slaves.

This form was followed in history by another form: serfdom. In the vast majority of countries, slavery developed into serfdom. The basic division of society was now between landowners who held serfs and the peasants who were their serfs. The form of relations between people changed. Slave owners regarded slaves as their property; the law reinforced this view and treated slaves as things wholly in their owners' possession. Class oppression and dependence remained for the serf, but the landowner was not regarded as owning the peasant as a thing: he had only a right to the peasant's labor and to compel the performance of certain obligations. In practice, as you all know, serfdom—especially in Russia, where it lasted longest and took its crudest forms—was no different from slavery.

Then, within serf society, as trade developed, a world market arose and the circulation of money expanded, a new class emerged: the capitalist class. From commodities, from the exchange of commodities, from the rise of the power of money, there arose the power of capital. During the eighteenth century—or, more precisely, from the end of the eighteenth century—and during the nineteenth century, revolutions took place throughout the world. Serfdom was driven out of every country in Western Europe. Russia was the last to undergo this change. In Russia, too, an upheaval took place in 1861, with the result that one form of society gave way to another: serfdom was replaced by capitalism. Under capitalism, the division into classes remained, and various traces and survivals of serfdom remained, but the division into classes had, in its essentials, taken a different form.

The owners of capital, land, factories and industrial works formed, and still form, an insignificant minority of the population in every capitalist state. They have complete control over all the labor of the people and therefore hold at their disposal, under their oppression and exploitation, the whole mass of working people. Most of these are proletarians, wage workers, who in the process of production obtain the means of life only by selling the labor of their hands, their labor power. The peasants, already scattered and downtrodden under serfdom, were

transformed with the transition to capitalism, in part—the majority—into proletarians, and in part—the minority—into a prosperous peasantry that itself hired workers and constituted a rural bourgeoisie.

You must always keep this fundamental fact in mind: society's transition from primitive forms of slavery to serfdom and, finally, to capitalism. Only by remembering this fundamental fact, only by fitting all political doctrines into this basic framework, will you be able to assess those doctrines correctly and understand what they refer to. Each of these great periods of human history—the slave-owning, the serf and the capitalist—spans tens and hundreds of centuries and presents such a mass of political forms, such varied political doctrines, opinions and revolutions, that you can find your way through all this extraordinary variety and immense diversity—especially as it is entangled with the political, philosophical and other doctrines of bourgeois scholars and politicians—only if you hold firmly to this division of society into classes and these changes in the forms of class rule as your principal guiding thread. From this standpoint, you must examine all social questions: economic, political, intellectual, religious and so on.

If you look at the state from the standpoint of this fundamental division, you will see that, before society was divided into classes, the state, as I have already said, did not exist either. But as the social division into classes arises and becomes established, as class society arises, so the state arises and becomes established. In the history of humanity we have tens and hundreds of countries that have passed, or are now passing, through slavery, serfdom and capitalism. In each of them, despite the immense historical changes that took place, despite all the political vicissitudes and all the revolutions connected with this development of humanity—with the transition from slavery through serfdom to capitalism and to the present worldwide struggle against capitalism—you always see the emergence of the state. It has always been a particular apparatus separated out from society, consisting of a group of people occupied solely, or almost solely, or chiefly, with governing. People divide into the governed and specialists in government: those who rise above society and are called rulers, representatives of the state. This apparatus, this group of people who govern others, always takes into its hands a particular apparatus of coercion, of physical force. It makes no difference whether this violence against people takes the form of the primitive club, the more advanced kinds of weaponry of the age of slavery, the firearms that appeared in the Middle Ages, or, finally, modern weapons, which in the twentieth century have reached technical marvels and depend entirely on the latest achievements of modern technology. The methods of violence changed, but whenever there was a state, every society contained a group of people who governed, commanded and ruled,

and who, in order to retain power, held in their hands an apparatus of physical coercion, an apparatus of violence, equipped with weapons corresponding to the technical level of each age. By examining these common phenomena and asking why the state did not exist when there were no classes, when there were no exploiters and exploited, and why it arose when classes arose—only in this way do we find a definite answer to the question of the state's nature and significance.

The state is a machine for maintaining the rule of one class over another. When there were no classes in society, when people before the age of slavery worked in primitive conditions of greater equality, under conditions in which the productivity of labor was still at its very lowest, when primitive people could barely obtain the means needed for the crudest primitive existence, no special group of people set apart specifically to govern and dominate the rest of society arose, nor could it arise. Only when the first form of society's division into classes appeared, when slavery appeared, when a particular class of people, concentrating on the crudest forms of agricultural labor, could produce a certain surplus, when this surplus was not absolutely necessary for the slave's most impoverished existence and fell into the hands of the slave owner—only then was the existence of this class of slave owners established. And for it to become established, the state had to appear.

And it did appear: the slave-owning state, an apparatus that placed power in the hands of the slave owners, enabling them to govern all the slaves. Both society and the state were then much smaller than they are today and had an incomparably weaker apparatus of communication: the present means of transport and communication did not exist. Mountains, rivers and seas were immeasurably greater obstacles than they are now, and states took shape within much narrower geographical boundaries. A technically weak state apparatus served a state with comparatively narrow boundaries and a limited sphere of action. Nevertheless, there was an apparatus that compelled slaves to remain in slavery and kept one part of society under the coercion and oppression of another. It is impossible to compel a numerically predominant part of society to work systematically for another part without a permanent apparatus of coercion. As long as there were no classes, this apparatus did not exist either. When classes appeared, everywhere and always, a special institution—the state—appeared along with the growth and consolidation of that division. The forms of the state were extraordinarily diverse. In the age of slavery, in countries that were the most advanced, cultured and civilized by the standards of the time—for example, ancient Greece and Rome, which rested entirely on slavery—we already find a variety of state forms. The distinction between monarchy and republic, between aristocracy and democracy, arose then. Monarchy means the rule of one person; a republic means the absence of any

unelected authority; aristocracy means the rule of a comparatively small minority; democracy means the rule of the people (democracy, translated literally from the Greek, means precisely “rule of the people”). All these distinctions arose in the age of slavery. Despite them, the state of that age was a slave-owning state, whether it was a monarchy or an aristocratic or democratic republic.

In any course on ancient history, in a lecture on this subject, you will hear about the struggle between monarchical and republican states. But the fundamental fact was that slaves were not regarded as human beings: not merely not as citizens, but not as human beings. Roman law treated them as things. The law against murder, to say nothing of other laws protecting the human person, did not apply to slaves. It protected only slave owners, who alone were recognized as citizens with full rights. But whether a monarchy was established, it was a slave-owning monarchy; or a republic, it was a slave-owning republic. In them, slave owners enjoyed all rights, while slaves were things in the eyes of the law. Not only could every kind of violence be inflicted on them, but even the killing of a slave was not considered a crime. Slave-owning republics differed in their internal organization: there were aristocratic and democratic republics. In an aristocratic republic, a small number of privileged people took part in elections; in a democratic one, everyone took part—but once again, all the slave owners, everyone except the slaves. This basic circumstance must be kept in mind, because it sheds more light than anything else on the question of the state and clearly reveals its essence.

The state is a machine for the oppression of one class by another, a machine for keeping the other, subordinate classes obedient to one class. The form of this machine varies. In the slave-owning state, we find a monarchy, an aristocratic republic or even a democratic republic. In fact, the forms of government were extraordinarily diverse, but the essence remained the same: slaves had no rights and remained an oppressed class; they were not recognized as human beings. We see the same thing in the state under serfdom.

The change in the form of exploitation transformed the slave-owning state into the state of serfdom. This was of immense significance. In slave-owning society, the slave was entirely without rights and was not recognized as a human being; under serfdom, the peasant was bound to the land. The basic feature of serfdom is that the peasantry—and at that time peasants formed the majority, while the urban population was very little developed—was regarded as bound to the land. This is the source of the very concept of serfdom. The peasant could work a certain number of days for himself on the plot the landowner gave him; on the other days, the serf worked for his lord. The essence of class society remained: society rested on class exploitation. Only the landowners could possess full rights; the peasants

were regarded as having none. In practice, their position differed very little from that of slaves in the slave-owning state. Yet a broader road to their emancipation, to the emancipation of the peasants, had opened, since the serf was not regarded as the landowner's direct property. He could spend part of his time on his own plot and could, so to speak, belong to himself to a certain extent. With the wider opportunities for the development of exchange and trade, serfdom increasingly disintegrated, and the scope for the emancipation of the peasantry continually expanded. Serf society was always more complex than slave-owning society. It contained a substantial element of development in trade and industry that was already leading toward capitalism. Serfdom predominated in the Middle Ages. Here, too, the forms of the state were diverse; here, too, we find monarchy and republic, though the latter was much less developed. But only the landowners who held serfs were ever recognized as the rulers. Serfs were absolutely excluded from every kind of political right.

Under both slavery and serfdom, the rule of a small minority of people over their vast majority cannot do without coercion. All history is full of the unceasing attempts of the oppressed classes to throw off their oppression. The history of slavery includes wars for liberation from slavery that lasted for many decades. Incidentally, the name "Spartacists," now adopted by the Communists of Germany—the only German party that is really fighting against the yoke of capitalism—was chosen because Spartacus was one of the most outstanding heroes of one of the greatest slave uprisings about two thousand years ago. For a number of years, the seemingly omnipotent Roman Empire, based entirely on slavery, suffered shocks and blows from a vast uprising of slaves who had armed themselves and gathered under Spartacus's leadership, forming a huge army. In the end, they were slaughtered, captured and tortured by the slave owners. These civil wars run through the whole history of class society. I have just given the example of the greatest of these civil wars in the age of slavery. The whole age of serfdom is likewise full of continual peasant uprisings. In Germany, for example, in the Middle Ages, the struggle between the two classes—the landowners and the serfs—grew to vast proportions and became a civil war of peasants against landowners. You all know examples of repeated uprisings of this kind by peasants against landowners who held serfs in Russia too.

To maintain his rule, to preserve his power, the landowner had to possess an apparatus that would bring a huge number of people together under his authority and subject them to particular laws and rules. And all these laws came down, in their essentials, to one thing: maintaining the landowner's power over the serf. This was the state of serfdom, as in Russia, for example, or in the completely backward

Asian countries where serfdom still prevails. It varied in form: it was either republican or monarchical. When the state was monarchical, the authority of one person was recognized; when it was republican, participation by representatives elected from the landowning society was recognized to a greater or lesser extent—this was under serfdom. Serf society represented a division into classes in which the vast majority—the peasant serfs—was entirely dependent on an insignificant minority: the landowners who owned the land.

The development of trade and of commodity exchange led to the emergence of a new class: the capitalists. Capital arose at the end of the Middle Ages, when world trade expanded enormously after the discovery of America, when the quantity of precious metals increased, when silver and gold became means of exchange, and when monetary circulation made it possible to concentrate enormous wealth in a single pair of hands. Silver and gold were recognized as wealth throughout the world. The economic strength of the landowning class declined, while the strength of the new class—the representatives of capital—grew. Society was reorganized so that all citizens became, as it were, equal, so that the old division into slave owners and slaves fell away, and so that everyone was considered equal before the law, regardless of the capital they possessed—whether someone owned land as private property or was a pauper with nothing but a pair of hands to work with. Everyone is equal before the law. The law protects everyone equally: it protects the property of those who have it against attacks on that property by the mass of people who, having no property and nothing but their hands, gradually sink into poverty, are ruined, and become proletarians. Such is capitalist society.

I cannot dwell on this in detail. You will return to the question when you discuss the Party program; there you will hear an account of capitalist society. This society came out against serfdom, against the old system of serfdom, under the slogan of freedom. But it was freedom for those who owned property. And when serfdom was destroyed, which happened toward the end of the eighteenth and beginning of the nineteenth century—in Russia this happened later than in other countries, in 1861—the state of serfdom gave way to the capitalist state. The capitalist state proclaims freedom for the whole people as its slogan, says that it expresses the will of the entire people, and denies that it is a class state. A struggle then develops between the socialists, who fight for the freedom of the whole people, and the capitalist state: a struggle that has now led to the creation of the Soviet Socialist Republic and that embraces the entire world.

To understand the struggle that has begun against world capital, to understand the essence of the capitalist state, we must remember that, in coming out against the state of serfdom, the capitalist state went into battle under the slogan of freedom.

For the representatives of the capitalist state, the abolition of serfdom meant freedom and served their interests insofar as serfdom was destroyed and peasants gained the ability to own, as their full property, the land they had purchased through redemption payments, or in part through quit-rent. The state paid no attention to this distinction: it protected property however it had arisen, since it rested on private property. Peasants became private property owners in all modern civilized states. The state protected private property also where the landowner gave part of the land to the peasant, compensating the landowner through redemption payments, through sale for money. The state declared, as it were: we shall preserve full private ownership; and it gave it every kind of support and protection. The state recognized this property as belonging to every merchant, industrialist and factory owner. And this society, based on private property, on the power of capital, and on the complete subjection of all propertyless workers and the working masses of the peasantry—this society declared that its rule was based on freedom. In fighting serfdom, it declared property free, and took particular pride in the claim that the state had supposedly ceased to be a class state.

Yet the state remained, as before, a machine that helps the capitalists keep the poorest peasantry and the working class in subjection; only in outward appearance was it free. It proclaims universal suffrage and declares, through its champions, preachers, scholars and philosophers, that it is not a class state. Even now, when the Soviet Socialist Republics have begun their struggle against it, they accuse us of violating freedom, of building a state based on coercion, on the suppression of some people by others, while they represent a democratic state of the whole people. This question—the question of the state—has now, at the beginning of the socialist revolution throughout the world, and precisely when the revolution has triumphed in some countries and the struggle against world capital has grown particularly acute, acquired the greatest significance. It has become, one might say, the most painful question, the focus of every political question and every political dispute of our time.

Whichever party we take in Russia or in any more civilized country, almost every political dispute, disagreement and opinion now revolves around the concept of the state. Is the state in a capitalist country, in a democratic republic—especially one such as Switzerland or America, in the freest democratic republics—an expression of the people’s will, the sum of the people’s collective decisions, an expression of the national will, and so on? Or is the state a machine enabling that country’s capitalists to maintain their power over the working class and the peasantry? This is the fundamental question around which political disputes now revolve throughout the world. What do they say about Bolshevism? The bourgeois press abuses the

Bolsheviks. You will not find a single newspaper that does not repeat the stock accusation that the Bolsheviks violate the rule of the people. If our Mensheviks and Socialist-Revolutionaries, in their innocence (or perhaps it is not innocence, or perhaps it is the kind of innocence that the saying calls worse than theft), think they have discovered and invented the charge that the Bolsheviks have violated freedom and the rule of the people, they are ridiculously mistaken. Today there is not one of the richest newspapers in the richest countries, which spend tens of millions on distributing them and sow bourgeois lies and imperialist politics in tens of millions of copies—not one of these newspapers fails to repeat these basic arguments and accusations against Bolshevism: that America, Britain and Switzerland are advanced states founded on the rule of the people, whereas the Bolshevik republic is a state of brigands, knows no freedom, and that the Bolsheviks violate the idea of popular rule and have even gone so far as to disperse the Constituent Assembly. These terrible accusations against the Bolsheviks are repeated throughout the world. They bring us squarely to the question: what is the state? To understand these accusations, to make sense of them and take a fully conscious position toward them—to understand them through more than hearsay and form a firm opinion—we must clearly understand what the state is. Here we have all kinds of capitalist states and all the doctrines that developed in their defense before the war. To approach the solution of the question correctly, we must take a critical attitude toward all these doctrines and views.

I have already recommended Engels's *The Origin of the Family, Private Property and the State* to help you. It says precisely that every state in which there is private ownership of land and the means of production, in which capital rules, however democratic it may be, is a capitalist state: a machine in the hands of the capitalists for keeping the working class and the poorest peasantry in subjection. Universal suffrage, a Constituent Assembly, parliament—these are only a form, a kind of promissory note that changes nothing in the substance of the matter.

The form of the state's rule may vary: capital displays its strength in one way where one form exists, and in another way where there is another form. But in substance, power remains in the hands of capital, whether the franchise is restricted by property qualifications or is of some other kind, whether there is a democratic republic. Indeed, the more democratic it is, the cruder and more cynical this rule of capitalism becomes. One of the most democratic republics in the world is the United States of North America, and nowhere does the power of capital, the power of a handful of billionaires over all of society, manifest itself so crudely, with such open bribery, as in America (anyone who has been there since 1905 surely has

some idea of this). Capital, so long as it exists, rules over all of society, and no democratic republic, no franchise, changes the essence of the matter.

Compared with the system of serfdom, the democratic republic and universal suffrage represented tremendous progress. They enabled the proletariat to achieve the unity and cohesion it now possesses, to form the orderly, disciplined ranks that wage a systematic struggle against capital. The serfs had nothing even remotely like this, to say nothing of the slaves. Slaves, as we know, rose up, staged rebellions and launched civil wars, but they could never create a class-conscious majority or parties to lead the struggle; they could not clearly understand the goal toward which they were moving, and even at the most revolutionary moments in history they always proved to be pawns in the hands of the ruling classes. The bourgeois republic, parliament, universal suffrage—all this, from the standpoint of the worldwide development of society, represents tremendous progress. Humanity moved toward capitalism, and only capitalism, thanks to urban culture, enabled the oppressed class of proletarians to become conscious of itself and create the worldwide workers' movement: those millions of workers organized into parties throughout the world, those socialist parties that consciously lead the struggle of the masses. Without parliamentarism, without the elective principle, this development of the working class would have been impossible. That is why all of this has acquired such great significance in the eyes of the broadest masses of people. That is why the break seems so difficult. It is not only deliberate hypocrites, scholars and priests who uphold and defend the bourgeois lie that the state is free and is called upon to defend everyone's interests. So do masses of people who sincerely repeat old prejudices and cannot understand the transition from the old capitalist society to socialism. Not only people who depend directly on the bourgeoisie, not only those who are under the yoke of capital or have been bribed by it (a great many scholars, artists, priests and others of every kind are in capital's service), but also people who are simply under the influence of prejudices about bourgeois freedom—all of them have risen against Bolshevism throughout the world because, at its foundation, the Soviet Republic cast aside this bourgeois lie and openly declared: you call your state free, but in reality, as long as private property exists, your state, even if it is a democratic republic, is nothing but a machine in the hands of the capitalists for suppressing the workers; and the freer the state, the more clearly this is expressed. Switzerland in Europe and the United States of North America in America are examples. Nowhere does capital rule so cynically and mercilessly, and nowhere is this seen so clearly as in these very countries, although they are democratic republics, however elegantly they may be painted up, and despite all the talk of labor democracy and the equality of all citizens. In reality, capital rules in Switzerland and America, and every attempt by

workers to secure any serious improvement in their position is met with immediate civil war. These countries have fewer soldiers, fewer standing troops: Switzerland has a militia, and every Swiss man has a rifle at home; until recently, America had no standing army. And so, when a strike occurs, the bourgeoisie arms itself, hires soldiers and suppresses the strike. Nowhere is the workers' movement suppressed with such merciless ferocity as in Switzerland and America, and nowhere does the influence of capital make itself felt so strongly in parliament as precisely here. The power of capital is everything; the stock exchange is everything; parliament and elections are marionettes, puppets… But as time goes on, the workers' eyes are opened more and more, and the idea of Soviet power spreads ever more widely, especially after the bloody slaughter we have just lived through. The necessity of a merciless struggle against the capitalists becomes ever clearer to the working class.

Whatever forms a republic may cloak itself in, even if it is the most democratic republic, if it is bourgeois, if private ownership of land, factories and industrial works remains, and private capital holds all of society in wage slavery—that is, if it does not carry out what the program of our Party and the Soviet Constitution declare—then this state is a machine for the oppression of some people by others. And we shall put this machine into the hands of the class that must overthrow the power of capital. We shall cast aside all the old prejudices that the state means universal equality. This is a deception: as long as exploitation exists, there can be no equality. The landowner cannot be equal to the worker, the hungry to the well-fed. The machine called the state, before which people stand in superstitious reverence, believing the old fairy tales that it is the power of the whole people—the proletariat casts this machine aside and says: this is a bourgeois lie. We have taken this machine away from the capitalists and taken it for ourselves. With this machine, or club, we shall crush all exploitation. And when there is no longer any possibility of exploitation anywhere in the world, when there are no longer owners of land or owners of factories, when it is no longer the case that some gorge themselves while others starve—only then, when the possibility of this no longer exists, shall we send this machine to the scrapyard. Then there will be no state, no exploitation. That is the standpoint of our Communist Party. I hope we shall return to this question in subsequent lectures—and more than once.

# О государстве

*Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г.*

Товарищи, предметом сегодняшней нашей беседы по тому плану, который у вас принят и мне был сообщен, является вопрос о государстве. Я не знаю, насколько знакомы вы уже с этим вопросом. Если я не ошибаюсь, курсы ваши только что открыты, и вам приходится в первый раз систематически к этому вопросу подходить. Если это так, то очень может быть, что в первой лекции об этом трудном вопросе мне не удастся достигнуть достаточной ясности изложения и понимания для многих из слушателей. И если бы это оказалось так, то я прошу вас этим не смущаться, потому что вопрос о государстве есть один из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных буржуазными учеными, писателями и философами. Поэтому никогда не следует ждать, чтобы можно было в краткой беседе, за один раз достигнуть полного выяснения этого вопроса. Следует после первой беседы об этом отметить себе непонятные или неясные места, чтобы вернуться к ним второй, третий и четвертый раз, чтобы то, что осталось непонятным, дополнить и выяснить дальше, впоследствии, как из чтения, так и из отдельных лекций и бесед. Я надеюсь, что нам удастся собраться еще раз, и тогда по всем дополнительным вопросам можно будет обменяться мнениями и проверить, что осталось наиболее неясного. Я надеюсь также, что в дополнение к беседам и лекциям вы посвятите известное время чтению хотя бы некоторых из главнейших произведений Маркса и Энгельса. Нет сомнения, что в указателе литературы и в пособиях, которые учащимся советской и партийной школы предоставлены в библиотеке, которая у вас имеется, — несомненно, что вы эти главные произведения найдете, и хотя опять-таки сразу кое-кого, может быть, и отпугнет трудность изложения, — надо опять предупредить, что этим не следует смущаться, что непонятное на первый раз при чтении будет понятно при повторном чтении, или когда вы подойдете к вопросу впоследствии с несколько иной стороны, ибо еще раз повторяю, что вопрос такой сложный и так запутан буржуазными учеными и писателями, что к этому вопросу каждому человеку, который хочет его серьезно продумать и самостоятельно усвоить, необходимо подходить несколько раз, возвращаться к нему опять и опять, обдумывать вопрос с разных сторон, чтобы добиться ясного и твердого понимания. А возвращаться вам к этому вопросу будет тем легче, что это такой основной, такой коренной вопрос всей политики, что не только в такое бурное, революционное время, как переживаемое теперь нами, но и в самые мирные

времена вы каждый день в любой газете по любому экономическому или политическому вопросу всегда натыкаетесь на вопрос: что такое государство, в чем его сущность, в чем его значение и каково отношение нашей партии, партии, борющейся за свержение капитализма, партии коммунистов, каково отношение ее к государству, — каждый день вы к этому вопросу по тому или иному поводу вернетесь. И самое главное, чтобы в результате ваших чтений, бесед и лекций, которые вы услышите о государстве, вы вынесли уменье подходить к этому вопросу самостоятельно, так как этот вопрос будет вам встречаться по самым разнообразным поводам, по каждому мелкому вопросу, в самых неожиданных сочетаниях, в беседах и спорах с противниками. Только тогда, если вы научитесь самостоятельно разбираться по этому вопросу, — только тогда вы можете считать себя достаточно твердыми в своих убеждениях и достаточно успешно отстаивать их перед кем угодно и когда угодно. После этих небольших замечаний я перейду к самому вопросу, что такое государство, как оно возникло и каково в основном должно быть отношение к государству партии рабочего класса, борющейся за полное свержение капитализма, — партии коммунистов.

Я уже говорил о том, что едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве. Очень часто этот вопрос смешивают до сих пор с вопросами религиозными, очень часто не только представители религиозных учений (от них-то это вполне естественно ожидать), но и люди, которые считают себя от религиозных предрассудков свободными, смешивают специальный вопрос о государстве с вопросами о религии и пытаются построить — очень часто сложное, с идейным философским подходом и обоснованием — учение о том, что государство есть нечто божественное, нечто сверхъестественное, что это некоторая сила, которой жило человечество и которая дает людям или имеет дать, несет с собой нечто не от человека, а извне ему данное, что это — сила божественного происхождения. И надо сказать, что это учение так тесно связано с интересами эксплуататорских классов — помещиков и капиталистов, — так служит их интересам, так глубоко пропитало все привычки, все взгляды, всю науку господ буржуазных представителей, что с остатками его вы встретитесь на каждом шагу, вплоть до взгляда на государство у меньшевиков и эсеров, которые с негодованием отрицают мысль, что они находятся в зависимости от религиозных предрассудков, и уверены, что могут трезво смотреть на государство. Вопрос этот так запутан и усложнен потому, что он (уступая в этом отношении только основаниям экономической науки) затрагивает

интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос. Учение о государстве служит оправданием общественных привилегий, оправданием существования эксплуатации, оправданием существования капитализма, — вот почему ожидать в этом вопросе беспристрастия, подходить в этом вопросе к делу так, как будто люди, претендующие на научность; могут здесь дать вам точку зрения чистой науки, — это величайшая ошибка. В вопросе о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве вы всегда увидите, когда познакомитесь с вопросом и вникнете в него достаточно, всегда увидите борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства.

Для того чтобы наиболее научным образом подойти к этому вопросу, надо бросить хотя бы беглый исторический взгляд на то, как государство возникло и как оно развивалось. Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь.

Я надеюсь, что по вопросу о государстве вы ознакомитесь с сочинением Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Это — одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала. Нет сомнения, что в этом сочинении не все части одинаково доступно, понятно изложены: некоторые предполагают читателя, обладающего уже известными историческими и экономическими познаниями. Но опять скажу: не следует смущаться, если это произведение по прочтении не будет понято сразу. Этого никогда почти не бывает ни с одним человеком. Но возвращаясь к нему впоследствии, когда интерес пробудится, вы добьетесь того, что будете понимать его в преобладающей части, если не все целиком. Напоминаю об этой книге потому, что она дает правильный подход к вопросу в указанном отношении. Начинается она с исторического очерка, как государство возникло.

Чтобы правильно подойти к этому вопросу, как и ко всякому вопросу, например, к вопросу о возникновении капитализма, эксплуатации между людьми, к социализму, к тому, как появился социализм, какие условия его породили, — ко всякому такому вопросу можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом. По этому вопросу прежде всего надо обратить внимание на то, что государство не всегда существовало. Было время, когда государства не было. Оно появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы, когда появляются эксплуататоры и эксплуатируемые.

До тех пор как возникла первая форма эксплуатации человека человеком, первая форма деления на классы — рабовладельцев и рабов, — до тех пор существовала еще патриархальная, или — как ее иногда называют — клановая (клан — поколение, род, когда люди жили родами, поколениями) семья, и следы этих первобытных времен в быту многих первобытных народов остались достаточно определенно, и если вы возьмете какое угодно сочинение по первобытной культуре, то всегда натолкнетесь на более или менее определенные описания, указания и воспоминания о том, что было время, более или менее похожее на первобытный коммунизм, когда деления общества на рабовладельцев и рабов не было. И тогда не было государства, не было особого аппарата для систематического применения насилия и подчинения людей насилию. Такой аппарат и называется государством.

В первобытном обществе, когда люди жили небольшими родами, еще находясь на самых низших ступенях развития, в состоянии, близком к дикости; в эпоху, от которой современное цивилизованное человечество отделяют несколько тысячелетий, — в то время не видно еще признаков существования государства. Мы видим господство обычаев, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода, видим, что эта власть признавалась иногда за женщинами, — положение женщины тогда не было похоже на теперешнее бесправное, угнетенное положение, — но нигде не видим особого разряда людей, которые выделяются, чтобы управлять другими и чтобы в интересах, в целях управления систематически, постоянно владеть известным аппаратом принуждения, аппаратом насилия, каковым являются в настоящее время, как вы все понимаете, вооруженные отряды войск, тюрьмы и прочие средства подчинения чужой воли насилию, — то, что составляет сущность государства.

Если от тех так называемых религиозных учений, ухищрений, философских построений, тех разнообразных мнений, которые строят буржуазные ученые, отвлечься и поискать настоящей сути дела, то увидим, что государство

сводится именно к такому выделенному из человеческого общества аппарату управления. Когда появляется такая особая группа людей, которая только тем и занята, чтобы управлять, и которая для управления нуждается в особом аппарате принуждения, подчинения чужой воли насилию — в тюрьмах, в особых отрядах людей, войске и пр., — тогда появляется государство.

Но было время, когда государства не было, когда держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода или женщины, в то время часто занимавшие не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое, и когда особого разряда людей — специалистов, чтобы управлять, не было. История показывает, что государство, как особый аппарат принуждения людей, возникало только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы — значит, разделение на такие группы людей, из которых одни постоянно могут присваивать труд других, где один эксплуатирует другого.

И это деление общества на классы в истории должно стоять перед нами ясно всегда, как основной факт. Развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света. У наименее развитых народов следы рабства остались еще и теперь, и учреждения рабства, например, в Африке, вы найдете и сейчас. Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы. Первая группа владела не только всеми средствами производства — землей, орудиями, как бы слабы, примитивны они тогда ни были, — она также владела и людьми. Эта группа называлась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами.

За этой формой последовала в истории другая форма — крепостное право. Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право. Основное деление общества — крепостники-помещики и крепостные крестьяне. Форма отношений между людьми изменилась. Рабовладельцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов как вещь, целиком находящуюся в обладании

рабовладельца. По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина, как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности. На практике, как вы все знаете, крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства.

Далее, — в крепостном обществе, по мере развития торговли, возникновения всемирного рынка, по мере развития денежного обращения, возникал новый класс — класс капиталистов. Из товара, из обмена товаров, из возникновения власти денег возникала власть капитала. В течение XVIII века, вернее — с конца XVIII века, и в течение XIX века произошли революции во всем мире. Крепостничество было вытеснено из всех стран Западной Европы. Позднее всех произошло это в России. В России в 1861 году тоже произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом, при котором деление на классы осталось, остались различные следы и пережитки крепостного права, но в основном деление на классы получило иную форму.

Владельцы капитала, владельцы земли, владельцы фабрик и заводов представляли и представляют во всех капиталистических государствах ничтожное меньшинство населения, целиком распоряжающееся всем народным трудом и, значит, держащее в своем распоряжении, угнетении, эксплуатации всю массу трудящихся, из которых большинство является пролетариями, наемными рабочими, в процессе производства получающими средства к жизни только от продажи своих рабочих рук, рабочей силы. Крестьяне, разрозненные и придавленные еще в крепостное время, с переходом к капитализму превращались частью (в большинстве) в пролетариев, частью (в меньшинстве) в зажиточное крестьянство, которое само нанимало рабочих и представляло собою буржуазию деревенскую.

Этот основной факт — переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму — вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляет такую массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, что разобраться во всей этой

чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, — особенно связанном с учениями политическими, философскими и прочими буржуазных ученых и политиков, — можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах — экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.

Если вы с точки зрения этого основного деления посмотрите на государство, то увидите, что до деления общества на классы, как я уже сказал, не существовало и государства. Но по мере того, как возникает и упрочивается общественное разделение на классы, по мере того, как возникает общество классовое, по мере этого возникает и упрочивается государство. Мы имеем в истории человечества десятки и сотни стран, переживших и переживающих сейчас рабство, крепостничество и капитализм. В каждой из них, несмотря на громадные исторические перемены, которые происходили, несмотря на все политические перипетии и все революции, которые были связаны с этим развитием человечества, с переходом от рабства через крепостничество к капитализму и к теперешней всемирной борьбе против капитализма, — вы всегда видите возникновение государства. Оно всегда было известным аппаратом, который выделялся из общества и состоял из группы людей, занимавшихся только тем или почти только тем, или главным образом тем, чтобы управлять. Люди делятся на управляемых и на специалистов по управлению, на тех, которые поднимаются над обществом и которых называют правителями, представителями государства. Этот аппарат, эта группа людей, которые управляют другими, всегда забирает в свои руки известный аппарат принуждения, физической силы, — все равно, выражается ли это насилие над людьми в первобытной дубине, или в эпоху рабства в более усовершенствованном типе вооружения, или в огнестрельном оружии, которое в средние века появилось, или, наконец, в современном, которое в XX веке достигло технических чудес и целиком основано на последних достижениях современной техники. Приемы насилия менялись, но всегда, когда было государство, существовала в каждом обществе группа лиц, которые управляли, которые командовали, господствовали и для удержания власти имели в своих руках аппарат физического принуждения, аппарат насилия, того вооружения, которое соответствовало техническому уровню каждой эпохи. И, всматриваясь в эти общие явления, задаваясь вопросом, почему не существовало государство, когда не было классов, когда не было эксплуататоров и эксплуатируемых, и почему оно возникло, когда возникли

классы, — мы только так находим определенный ответ на вопрос о сущности государства и его значении.

Государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим. Когда в обществе не было классов, когда люди до рабской эпохи существования трудились в первобытных условиях большего равенства, в условиях еще самой низкой производительности труда, когда первобытный человек с трудом добывал себе средства, необходимые для самого грубого первобытного существования, тогда не возникало и не могло возникнуть и особой группы людей, специально выделенных для управления и господствующих над всем остальным обществом. Лишь когда появилась первая форма деления общества на классы, когда появилось рабство, когда можно было известному классу людей, сосредоточившись на самых грубых формах земледельческого труда, производить некоторый излишек, когда этот излишек не абсолютно был необходим для самого нищенского существования раба и попадал в руки рабовладельца, когда, таким образом, упрочилось существование этого класса рабовладельцев, и чтобы оно упрочилось, необходимо было, чтобы явилось государство.

И оно явилось — государство рабовладельческое, — аппарат, который давал в руки рабовладельцев власть, возможность управлять всеми рабами. И общество и государство тогда были гораздо мельче, чем теперь, располагали несравненно более слабым аппаратом связи — тогда не было теперешних средств сообщения. Горы, реки и моря служили неимоверно большими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких. Технически слабый государственный аппарат обслуживал государство, распространявшееся на сравнительно узкие границы и узкий круг действий. Но был все же аппарат, который принуждал рабов оставаться в рабстве, удерживал одну часть общества в принуждении, угнетении у другой. Принуждать одну преобладающую часть общества к систематической работе на другую нельзя без постоянного аппарата принуждения. Пока не было классов — не было и этого аппарата. Когда появились классы, везде и всегда вместе с ростом и укреплением этого деления появлялся и особый институт — государство. Формы государства были чрезвычайно разнообразны. Во времена рабовладельческие в странах наиболее передовых, культурных и цивилизованных по-тогдашнему, например, в древней Греции и Риме, которые целиком покоились на рабстве, мы имеем уже разнообразные формы государства. Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией. Монархия — как власть одного,

республика — как отсутствие какой-либо невыборной власти; аристократия — как власть небольшого сравнительно меньшинства, демократия — как власть народа (демократия буквально в переводе с греческого и значит: власть народа). Все эти различия возникли в эпоху рабства. Несмотря на эти различия, государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая.

Во всяком курсе истории древних времен, выслушав лекцию об этом предмете, вы услышите о борьбе, которая была между монархическим и республиканским государствами, но основным было то, что рабы не считались людьми; не только не считались гражданами, но и людьми. Римский закон рассматривал их как вещь. Закон об убийстве, не говоря уже о других законах охраны человеческой личности, не относился к рабам. Он защищал только рабовладельцев, как единственно признававшихся полноправными гражданами. Но учреждалась ли монархия — это была монархия рабовладельческая, или республика — это была республика рабовладельческая. В них всеми правами пользовались рабовладельцы, а рабы были вещью по закону, и над ними возможно было не только какое угодно насилие, но и убийство раба не считалось преступлением. Рабовладельческие республики различались по своей внутренней организации: были республики аристократические и демократические. В аристократической республике небольшое число привилегированных принимало участие в выборах, в демократической — участвовали все, но опять-таки все рабовладельцы, все, кроме рабов. Это основное обстоятельство надо иметь в виду, потому что оно больше всего проливает свет на вопрос о государстве и ясно показывает сущность государства.

Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы. Форма этой машины бывает различна. В рабовладельческом государстве мы имеем монархию, аристократическую республику или даже демократическую республику. В действительности формы правления бывали чрезвычайно разнообразны, но суть дела оставалась одна и та же: рабы не имели никаких прав и оставались угнетенным классом, они не признавались за людей. То же самое мы видим и в крепостном государстве.

Перемена формы эксплуатации превращала рабовладельческое государство в крепостническое. Это имело громадное значение. В рабовладельческом обществе — полное бесправие раба, он не признавался за человека; в крепостническом — привязанность крестьянина к земле. Основной признак

крепостного права тот, что крестьянство (а тогда крестьяне представляли большинство, городское население было крайне слабо развито) считалось прикрепленным к земле, — отсюда произошло и самое понятие — крепостное право. Крестьянин мог работать определенное число дней на себя на том участке, который давал ему помещик; другую часть дней крепостной крестьянин работал на барина. Сущность классового общества оставалась: общество держалось на классовой эксплуатации. Полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве. Но все же к их освобождению, к освобождению крестьян, открывалась дорога более широкая, так как крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика. Он мог проводить часть времени на своем участке, мог, так сказать, до известной степени принадлежать себе, и крепостное право при более широкой возможности развития обмена, торговых сношений все более и более разлагалось, и все более расширялся круг освобождения крестьянства. Крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму. В средние века крепостное право преобладало. И здесь формы государства были разнообразны, и здесь мы имеем монархию и республику, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими признавались единственно только помещики-крепостники. Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно.

И при рабстве и при крепостном праве господство небольшого меньшинства людей над громадным большинством их не может обходиться без принуждения. Вся история полна беспрерывных попыток угнетенных классов свергнуть угнетение. История рабства знает на многие десятилетия тянущиеся войны за освобождение от рабства. Между прочим, имя «спартаковцы», которое взято теперь коммунистами Германии, — этой единственной германской партией, действительно борющейся против ига капитализма, — это имя взято ими потому, что Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад. В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию. В конце концов, они были перебиты, схвачены, подверглись пыткам со стороны рабовладельцев. Эти гражданские войны проходят через всю историю

существования классового общества. Я сейчас привел пример самой крупной из таких гражданских войн в эпоху рабовладения. Вся эпоха крепостного права равным образом полна постоянных восстаний крестьян. В Германии, например, в средние века достигла широких размеров и превратилась в гражданскую войну крестьян против помещиков борьба между двумя классами: помещиками и крепостными. Вы все знаете примеры подобных многократных восстании крестьян против помещиков-крепостников и в России.

Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство, которое в России, например, или в совершенно отсталых азиатских странах, где до сих пор крепостничество господствует — по форме оно отличалось — было или республиканское, или монархическое. Когда государство было монархическое — признавалась власть одного; когда оно было республиканское — признавалось более или менее участие выборных от помещичьего общества, — это в обществе крепостническом. Крепостническое общество представляло такое деление классов, когда громадное большинство — крепостное крестьянство — находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства — помещиков, которые владели землей.

Развитие торговли, развитие товарообмена привело к выделению нового класса — капиталистов. Капитал возник в конце средних веков, когда мировая торговля после открытия Америки достигла громадного развития, когда увеличилось количество драгоценных металлов, когда серебро и золото стали орудием обмена, когда денежный оборот дал возможность держать громадные богатства в одних руках. Серебро и золото признавались как богатство во всем мире. Падали экономические силы помещичьего класса, и развивалась сила нового класса — представителей капитала. Перестройка общества происходила таким образом, чтобы все граждане стали как бы равными, чтобы отпало прежнее деление на рабовладельцев и рабов, чтобы все считались равными перед законом, независимо от того, кто каким капиталом владеет — землей ли на правах частной собственности, или это голяк, у которого одни рабочие руки, — все равны перед законом. Закон одинаково охраняет всех, охраняет собственность, у кого она есть, от покушений против собственности со стороны той массы, которая, не имея

собственности, не имея ничего, кроме своих рук, постепенно нищает, разоряется и превращается в пролетариев. Таково капиталистическое общество.

Я не могу на этом останавливаться подробно. К этому вопросу вы еще вернетесь, когда будете беседовать о программе партии, — там вы услышите характеристику капиталистического общества. Это общество выступило против крепостничества, против старого крепостного права с лозунгом свободы. Но это была свобода для того, кто владеет собственностью. И когда крепостное право было разрушено, что произошло к концу XVIII — началу XIX века — в России это произошло позднее других стран, в 1861 г., — тогда на смену крепостническому государству пришло государство капиталистическое, которое объявляет своим лозунгом свободу всенародную, говорит, что оно выражает волю всего народа, отрицает, что оно классовое государство, и тут между социалистами, которые борются за свободу всего народа, и капиталистическим государством развивается борьба, которая привела сейчас к созданию Советской социалистической республики и которая охватывает весь мир.

Чтобы понять борьбу, начатую с всемирным капиталом, чтобы понять сущность капиталистического государства, надо помнить, что капиталистическое государство, выступая против крепостнического, шло в бой с лозунгом свободы. Отмена крепостного права означала для представителей капиталистического государства свободу и оказывала им услугу постольку, поскольку крепостное право разрушалось и крестьяне получили возможность владеть, как полной собственностью, той землей, которую они купили путем выкупа, или частицей — из оброка, — на это государство не обращало внимания: оно охраняло собственность, каким бы путем она ни возникла, так как оно покоилось на частной собственности. Крестьяне превращались в частных собственников во всех современных цивилизованных государствах. Государство охраняло частную собственность и там, где помещик отдавал часть земли крестьянину, вознаграждало его посредством выкупа, продажи за деньги. Государство как бы заявляло: полную частную собственность мы сохраним, и оказывало ей всяческую поддержку и заступничество. Государство признавало эту собственность за каждым купцом, промышленником и фабрикантом. И это общество, основанное на частной собственности, на власти капитала, на полном подчинении всех неимущих рабочих и трудящихся масс крестьянства, — это общество объявляло себя господствующим на основании свободы. Борясь

против крепостного права, оно объявило собственность свободной и особенно гордилось тем, что будто государство перестало быть классовым.

Между тем государство по-прежнему оставалось машиной, которая помогает капиталистам держать в подчинении беднейшее крестьянство и рабочий класс, но по внешности оно было свободно. Оно объявляет всеобщее избирательное право, заявляет устами своих поборников, проповедников, ученых и философов, что это государство не классовое. Даже теперь, когда против него началась борьба Советских социалистических республик, они обвиняют нас, будто мы — нарушители свободы, что мы строим государство, основанное на принуждении, на подавлении одних другими, а они представляют государство всенародное, демократическое. Вот этот вопрос — о государстве — теперь, во время начала социалистической революции во всем мире, и как раз во время победы революции в некоторых странах, когда особенно обострилась борьба с всемирным капиталом, — вопрос о государстве приобрел самое большое значение и стал, можно сказать, самым больным вопросом, фокусом всех политических вопросов и всех политических споров современности.

Какую бы партию мы ни взяли в России или в любой более цивилизованной стране, — почти все политические споры, расхождения, мнения вертятся сейчас около понятия о государстве. Является ли государство в капиталистической стране, в демократической республике, — особенно вроде такой, как Швейцария или Америка, — в самых свободных демократических республиках, является ли государство выражением народной воли, сводкой общенародного решения, выражением национальной воли и т. д., — или же государство есть машина для того, чтобы тамошние капиталисты могли держать свою власть над рабочим классом и крестьянством? Это — основной вопрос, около которого сейчас вертятся во всем мире политические споры. Что говорят о большевизме? Буржуазная пресса ругает большевиков. Вы не найдете ни одной газеты, которая бы не повторила ходячего обвинения против большевиков в том, что они являются нарушителями народовластия. Если наши меньшевики и социалисты-революционеры в простоте души (а может быть, и не в простоте, или, может быть, это такая простота, о которой сказано, что она — хуже воровства) думают, что они являются открывателями и изобретателями обвинения против большевиков в том, что они нарушили свободу и народовластие, то они самым смешным образом заблуждаются. В настоящее время нет ни одной из богатейших газет богатейших стран, которые десятки миллионов употребляют на их распространение и в десятках миллионов

экземпляров сеют буржуазную ложь и империалистическую политику, — нет ни одной из этих газет, которая не повторила бы этих основных доводов и обвинений против большевизма: что Америка, Англия и Швейцария, это — передовые государства, основанные на народовластии, большевистская же республика есть государство разбойников, что оно не знает свободы и что большевики являются нарушителями идеи народовластия и даже дошли до того, что разогнали учредилку. Эти страшные обвинения большевиков повторяются во всем мире. Обвинения эти подводят нас целиком к вопросу: что такое государство? Чтобы эти обвинения понять, чтобы в них разобраться и вполне сознательно к ним отнестись и разобраться не по слухам только, а иметь твердое мнение, надо ясно понять, что такое государство. Здесь мы имеем всякие капиталистические государства и все те учения в защиту их, которые создались до войны. Чтобы правильно подойти к решению вопроса, нужно отнестись критически ко всем этим учениям и взглядам.

Я уже назвал вам в помощь сочинение Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Здесь именно говорится, что всякое государство, в котором существует частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал, как бы демократично оно ни было, — оно есть государство капиталистическое, оно есть машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство. А всеобщее избирательное право, Учредительное собрание, парламент — это только форма, своего рода вексель, который нисколько не меняет дела по существу.

Форма господства государства может быть различна: капитал одним образом проявляет свою силу там, где есть одна форма, и другим — где другая, но по существу власть остается в руках капитала: есть ли цензовое право или другое, есть ли республика демократическая, и даже чем она демократичнее, тем грубее, циничнее это господство капитализма. Одна из самых демократических республик в мире — Северо-Американские Соединенные Штаты — и нигде так, как в этой стране (кто там побывал после 1905 г., тот наверно имеет об этом представление), нигде власть капитала, власть кучки миллиардеров над всем обществом не проявляется так грубо, с таким открытым подкупом, как в Америке. Капитал, раз он существует, господствует над всем обществом, и никакая демократическая республика, никакое избирательное право сущности дела не меняют.

Демократическая республика и всеобщее избирательное право по сравнению с крепостническим строем были громадным прогрессом: они дали возможность пролетариату достигнуть того объединения, того сплочения,

которое он имеет, образовать те стройные, дисциплинированные ряды, которые ведут систематическую борьбу с капиталом. Ничего подобного даже приблизительно не было у крепостного крестьянина, не говоря уже о рабах. Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов. Буржуазная республика, парламент, всеобщее избирательное право — все это с точки зрения всемирного развития общества представляет громадный прогресс. Человечество шло к капитализму, и только капитализм, благодаря городской культуре, дал возможность угнетенному классу пролетариев осознать себя и создать то всемирное рабочее движение, те миллионы рабочих, организованных по всему миру в партии, те социалистические партии, которые сознательно руководят борьбой масс. Без парламентаризма, без выборности это развитие рабочего класса было бы невозможно. Вот почему все это в глазах самых широких масс людей получило такое большое значение. Вот почему перелом кажется таким трудным. Не только сознательные лицемеры, ученые и попы поддерживают и защищают эту буржуазную ложь, что государство свободно и призвано защищать интересы всех, но и массы людей, искренне повторяющих старые предрассудки и не могущих понять перехода от старого капиталистического общества к социализму. Не только люди, находящиеся в прямой зависимости от буржуазии, не только те, которые находятся под гнетом капитала, или которые подкуплены этим капиталом (на службе у капитала состоит масса всякого рода ученых, художников, попов и т. д.), но и люди, просто находящиеся под влиянием предрассудков буржуазной свободы, все это ополчилось против большевизма во всем мире за то, что при своем основании Советская республика отбросила эту буржуазную ложь и открыто заявила: вы называете свое государство свободным, а на самом деле, пока есть частная собственность, ваше государство, хотя бы оно было демократической республикой, есть не что иное, как машина в руках капиталистов для подавления рабочих, и, чем свободнее государство, тем яснее это выражается. Пример этого — Швейцария в Европе, Северо-Американские Соединенные Штаты в Америке. Нигде капитал не господствует так цинично и беспощадно, и нигде это не видно с такой ясностью, как именно в этих странах, хотя это демократические республики, как бы ни были они изящно размалеваны, несмотря ни на какие слова о трудовой демократии, о равенстве всех граждан. На деле в Швейцарии и Америке господствует капитал, и

всякие попытки рабочих добиться сколько-нибудь серьезного улучшения своего положения встречаются немедленной гражданской войной. В этих странах меньше солдат, постоянного войска, — в Швейцарии существует милиция, и каждый швейцарец имеет ружье у себя дома, в Америке до последнего времени не было постоянного войска, — и поэтому, когда случается стачка, буржуазия вооружается, нанимает солдат и подавляет стачку, и нигде это подавление рабочего движения не происходит с такой беспощадной свирепостью, как в Швейцарии и Америке, и нигде в парламенте не сказывается так сильно влияние капитала, как именно здесь. Сила капитала — все, биржа — все, а парламент, выборы — это марионетки, куклы… Но чем дальше, тем больше проясняются глаза рабочих, и тем шире распространяется идея Советской власти, особенно после той кровавой бойни, которую мы только что пережили. Все яснее становится для рабочего класса необходимость беспощадной борьбы с капиталистами.

Какими бы формами ни прикрывалась республика, пусть то будет самая демократическая республика, но если она буржуазная, если в ней осталась частная собственность на землю, на заводы и фабрики, и частный капитал держит в наемном рабстве все общество, т. е., если в ней не выполняется то, о чем заявляет программа нашей партии и Советская конституция, то это государство — машина, чтобы угнетать одних другими. И эту машину мы возьмем в руки того класса, который должен свергнуть власть капитала. Мы отбросим все старые предрассудки, что государство есть всеобщее равенство, — это обман: пока есть эксплуатация, не может быть равенства. Помещик не может быть равен рабочему, голодный — сытому. Ту машину, которая называлась государством, перед которой люди останавливаются с суеверным почтением и верят старым сказкам, что это есть общенародная власть, — пролетариат эту машину отбрасывает и говорит: это буржуазная ложь. Мы эту машину отняли у капиталистов, взяли ее себе. Этой машиной или дубиной мы разгромим всякую эксплуатацию, и, когда на свете не останется возможности эксплуатировать, не останется владельцев земли, владельцев фабрик, не будет так, что одни пресыщаются, а другие голодают, — лишь тогда, когда возможностей к этому не останется, мы эту машину отдадим на слом. Тогда не будет государства, не будет эксплуатации. Вот точка зрения нашей коммунистической партии. Надеюсь, что к этому вопросу мы в следующих лекциях вернемся — и неоднократно.